

АЛЬДО КАРОТЕНУТО¹

ТРАНСФЕР В «ТАЙНОЙ СИММЕТРИИ»²

(Перевод с английского Ф.Р. Филатова)

Прошло четырнадцать лет с момента публикации моей книги «Дневник Тайной Симметрии», посвященной сложному и волнующему аналитическому, сентиментальному и интеллектуальному треугольнику, который объединил три ключевые фигуры в истории психоанализа: Сабину Шпильрейн (еврейскую девушку из России, пациентку Юнга, со временем ставшую последовательницей Фрейда, изыскания которой имели огромное значение для формирования психоаналитической теории), Карла Густава Юнга и Зигмунда Фрейда.

Я польщен тем, что работа, которая, в силу направивших меня обстоятельств, всецело определялась страстью и стремлением к реконструкции определенного исторического события, остается источником живого интереса и вдохновения для представителей самых различных областей науки и культуры. За прошедшее десятилетие фрейдистскими и юнгианскими исследователями было написано немало трудов на эту тему, но настоящей наградой стало для меня то, что моя книга также вдохновила драматургов, писателей и сценаристов.

Пьеса, основанная на этой книге, в которой кропотливо восстановлена история Сабины Шпильрейн, вот-вот будет поставлена на сценах Нью-Йорка и Лондона.

Столь пристальное внимание к теме, очевидно, объясняется ее глубинным символизмом, который, выходя за рамки конкретного эпизода, захватывает любого (историка, клинического врача, художника), кто намеревается исследовать значение страсти, не только в индивидуальной судьбе, но и в истории человеческой мысли, с ее светлыми и темными страницами, больше того – раскрыть мощное влияние страстей на эволюцию целого направления психологической науки.

Теоретические конструкции, подобно выдающимся произведениям искусства, будучи обращены к нашим судьбам, выявляют в них наиболее примечательное и особенное, выдвигая на передний план психический материал комплексов, воспоминаний, внутреннего опыта; иными словами, открывают ландшафты души. Следовательно, вовсе не жажда известности (дурной славы) или простая бестактность побуждают исследователя попытаться пролить свет на частную жизнь великих людей и их окружения, и не дань преходящей моде. Скорее это законное стремление мысли раскрыть саму сущность человека, проследить генезис его душевной жизни, обнаружить под золотистым налетом официальных версий скрытый слой эмоций и переживаний.

¹ Альдо Каротенуто – юнгианский психоаналитик, профессор, преподаватель теории личности в Римском университете, редактор «Historical Journal of Dynamic Psychology». Профессор Каротенуто на протяжении ряда лет поддерживает тесные контакты с научным сообществом Ростова-на-Дону и Ростовского госуниверситета. В начале 1980-х г.г. он прислал в Ростовский госуниверситет, на имя профессора А.Б. Когана экземпляр своей книги, посвященной С.Н. Шпильрейн; в мае 1994 г. посетил Ростов-на-Дону и выступил с докладом на открытии I-й Международной конференции памяти С.Н. Шпильрейн, а 7 мая 1997 года стал почетным членом Ростовской психоаналитической ассоциации (РПА).

² Подразумевается книга А. Каротенуто «Дневник Тайной Симметрии. Сабина Шпильрейн между Юнгом и Фрейдом» (англоязычное издание: Carotenuto A. A secret symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. – New York, Pantheon Book, 1984). Публикуемый материал представляет собой текст доклада профессора Римского университета, юнгианского аналитика Альдо Каротенуто на I-й Международной конференции памяти С.Н. Шпильрейн «Психологические и психоаналитические проблемы агрессии» (Ростов-на-Дону, май 1994).

История любого научного движения – это история драматических событий, контрастов, провалов, а, на более глубоком уровне, идеологии и «Weltanschauung» (мировоззрения).

Таким образом, реконструкция, которая не сводится к простой перестановке фактов, но предполагает также воспроизведение всей эмоциональной драмы, выявление преобладающих «топосов» (образов) культуры в целом, – реконструкция подобного рода в каждом своем моменте побуждает к рефлексии. Просто факты сами по себе, список трудов конкретного автора, хронология событий – все это может заинтриговать нас лишь в минимальной степени. В психоаналитическом контексте интерес неизбежно вызовет та история, в которой не так много очевидного и за прозрачной видимостью известных событий таится неразгаданное; в которой главные герои теряют осторожность, как только оказываются слишком увлечены, и уже не в силах отказаться от своих страстей.

Наше внимание, следовательно, должно быть сосредоточено на таких событиях и их участниках, с установлением подобающей дистанции по мере прояснения глубинной фабулы и сокровенных мотиваций, однако, без намерения критиковать, осуждать или оправдывать, а скорее в убеждении, что лучший способ постичь ключевую идею какой-либо школы научной мысли состоит в том, чтобы исследовать ее истоки.

Анализ, позволяющий прояснить обсуждаемую нами тему в различных ее аспектах и планах, в некоторой степени уже был проделан. Например:

- прояснение основанных на механизме переноса взаимоотношений, которые формируются между терапевтом и пациентом, т.е. эротического переноса и ответного контрпереноса;

- понимание вклада, сделанного первыми пациентами психоанализа в усовершенствование его теории и практики, – вклада, который в случае отдельных женщин попросту замалчивался или был признан со значительным опозданием;

- наконец, критическая оценка того специфического влияния, которое Сабина Шпильрейн оказала на формирование психоаналитической теории.

По первому пункту можно сделать вывод, что сложные события, в которые оказались вовлечены Юнг, Сабина Шпильрейн и Фрейд, вполне корректно рассматривать в качестве базиса (или материала) для разработки юнговской теории переноса. Юнг утратил интерес к гипнозу, как терапевтическому методу, при котором, в гораздо большей степени, чем в реальном переносе, ремиссия (ослабление симптоматики) определяется внушением терапевта при отсутствии какого-либо содействия со стороны пациента.

Общение Юнга с некоторыми психотическими пациентами в тот период, когда он взял на вооружение психоаналитический подход, мощное столкновение со сложной психической динамикой, которая тотально захватила его, и с которой он попытался совладать без прохождения личного анализа, – именно эти обстоятельства, как мы знаем сегодня, могли стать источником подлинной духовной трансформации и поводом к внутреннему «разбирательству» с его собственными «демонами». Этот термин, обозначающий «теневые» стороны или аспекты душевной жизни, Юнг часто использовал в своих письмах к Сабине, которая, с сензитивностью, весьма типичной для людей, имеющих определенные психологические проблемы, успешно вовлекла его в эмоциональные отношения.

Реакции Юнга на блестящий интеллект его пациентки, с одной стороны, и настойчивость в выражении ее притязаний, с другой, были, как и следовало ожидать, спутанными, неоднозначными и противоречивыми. Однако, этот опыт помог ему, спустя годы, осознать мощное влияние переноса на аналитические отношения. Неудивительно, что такие концепты, как «мистическое соучастие», «Тень» и «Анима» формировались в те сложные для Юнга, «темные» моменты его жизни. Случай Сабины Шпильрейн может служить своего рода руководством, поскольку он имел такое же огромное значение для клинической практики Юнга, как случай Доры для Фрейда. Истории этих двух пациенток отражают два различных взгляда на мир и два различных направления в аналитическом исследовании, которыми были отмечены судьбы Фрейда и Юнга.

В отличие от Фрейда, Юнг в клинике Бургхёльцли непосредственно соприкасался с миром психотического страдания, бреда и галлюцинаций. Мощные механизмы идентификации становятся ловушкой даже для опытного врача, наблюдающего пациентов этого типа. Имея дело с очень трудными клиническими случаями, Юнг оказался включен в гораздо более мрачную и сложную психическую реальность, нежели буржуазный мир его венских коллег. Тем не менее, когда в период напряженных попыток проникнуть в этот волнующий мир, понять его, найти собственное терапевтическое направление, он познакомился с трудами Фрейда, то не колеблясь признал ценность его подхода.

С 1906 по 1913 гг. развернулась интенсивная переписка между этими двумя людьми, которые, установив подлинное научное сотрудничество, совместными усилиями обеспечивали прирост нового знания. И, что интересно отметить, с самого начала идеи швейцарского психиатра относительно первопричин душевного неблагополучия развивались в собственном, отличном от генеральной линии психоанализа направлении. Юнг указывал на это более почтительно и робко, чем венский маэстро: в случае истерии, писал он Фрейду уже в первом своем послании, обнаруживаются преимущественно, но не исключительно сексуальные предпосылки. Ответом ему было искреннее недоумение по поводу того, что он не принимает безоговорочно всю теорию Фрейда целиком.

Конечно, они имели дело с принципиально различными клиническими случаями, и не вызывает сомнения, что проблемы бодерлайн- (пограничных) и психотических пациентов относятся к наиболее ранним стадиям их психического развития, а, следовательно, представляется бессмысленным сводить их всецело к вопросу о первичной сексуальной травме. Убежденность Юнга в этом постоянно возрастала; однако, как говорится, то, что мы выставляем за дверь, возвращается через окно, и в конце концов Юнг столкнулся лицом к лицу с мощным эротическим импульсом, ворвавшимся в его повседневную профессиональную жизнь.

Я полагаю, здесь мы должны особо подчеркнуть, что история мысли Юнга, равно как Фрейда, – это история патологии, с которой к ним для прохождения лечения обращались их пациенты.

Сабина Шпильрейн была госпитализирована в 1904 году, в результате серьезного психического расстройства. Ей был поставлен диагноз «истерия». Юнг оказался очарован этим случаем, глубоко увлечен им. Вместе с тем, он вскоре почувствовал себя вовлеченным в ту крайне противоречивую эмоциональную динамику, которую впоследствии описал с помощью термина «мистическая сопричастность», обозначая сложные, запутанные и разрушительные механизмы идентификации, требующие от аналитика как глубинного понимания собственного бессознательного, так и владения особыми терапевтическими инструментами, совершенно необходимыми в столь трудной работе. Проанализированы и другие терапевтические случаи, в которых динамика происходящего захватывала не только пациента, но и аналитика. В этом контексте заслуживает внимания встреча Юнга с этой пациенткой, Сабиной Шпильрейн, благодаря коей ему открылся новый путь исследования, захватившего его на всю оставшуюся жизнь. Столкновение с психозом, активизировавшим в Юнге глубинные и неизведанные аффективные комплексы, и попытка понять их значение – все это могло быть воспринято и пережито им как своего рода путешествие в то, что Эллиенбергер назвал «творческой болезнью». Из него он возвратился бы с ясным пониманием фундаментального значения символа, образа и воображения внутренних фигур Анимы, а также той опасности, которая заключена в конфронтации с ними. Следует ли усматривать источник всего этого опыта исключительно в динамике отношений Юнга со Шпильрейн? В действительности все не так просто. Однако мы можем убедиться в том, что каждый великий мыслитель обязан всем тем, с кем ему удалось пережить состояние особого духовного резонанса. Описывая личностей, оказавших на него существенное влияние, Юнг позднее скажет, что их имена были вписаны в книгу его судьбы с незапамятных времен. По моему мнению, широко известные ныне концепты «Анима» и «Анимус» возникли как результаты вдохновения и опыта, приобретенного Юнгом в работе над случаем Сабины Шпильрейн.

Если бы мы получили нечто вроде «фоторобота» внутренней женской фигуры Юнга, его Анимы, мы, возможно, восприняли бы его как болезненно-волнующий сложный образ, в чем-то привлекательный, а порой и пугающий. Очевидно, что в этом контексте мы должны рассматривать не только биографию Юнга (как частного лица), но также определенный культурный тип, характерный для его эпохи и окружения. Что касается его биографии, то мы знаем, что Юнг с твердостью отклонил фрейдовскую концепцию сексуальной детерминации человеческого поведения. Этот отказ признать значение сексуального измерения имел своеобразный отголосок в его жизни. И может возникнуть предположение, что отрицание Юнгом пансексуализма фрейдовской теории было фактическим отступлением перед неразрешенной внутренней проблемой, а именно перед неизвестным и беспокоящим феминным началом в его собственной душе, которое, в каждом случае, соотносится с образами и символами феминности, характерными для эпохи и социального окружения аналитика. Это, прежде всего, образ роковой, сулящей гибель женщины, скрывающей свою сущность под безобидной маской невинности. Как показал Кремериус, Фрейд, в свою очередь столкнувшись с волнующей проблемой переноса, обратился к мужским фантазиям, типичным для целого поколения интеллектуалов и художников (например, Мопассан, Стринберг, Гофмансталь, Климт), которые представляли женщин в образе «Лулу», как «опасных инстинктивных животных, разрушающих мужской мир порядка и духовности».

В свете этого образа, женственность – одновременно мимолетная греза и запретный плод. Однако, поднявшись над «духом времени», в своих записях и в самоанализе Юнг все глубже постигал сокровенное значение этой внутриличностной противоположности, которая, в случае ее осознания, преобразуется из бесконечной навязчивости в духовного проводника, во внутреннюю божественность, воссоединяющую естество с духом, единичное с универсальным и устремляющую Эрос к высшим ступеням индивидуальной реализации.

Итак, сокровенный образ женственности в душе мужчины, порождающий беспокойство, как недифференцированное выражение разнонаправленных импульсов и фрагментации, с годами трансформируется в серию отчетливых образов, каждый из которых соотносится с определенной фазой индивидуального психологического развития или, подобно богам, населяющим греческий Олимп, символически представляет определенную психическую функцию. Это уже не только Лилит, наполовину человеческое существо, наполовину – монстр, но также Ева, Елена, Мария, т.е. архетипические образы, соответствующие многократному воплощению человеческого потенциала; инстинкт, любовь, просвещенный интеллект и мудрость, выходящая за пределы всего человеческого знания.

Конечно, все это было абсолютно чуждо молодому Юнгу, в отличие от разрушительного эротического переноса, в котором он был способен не более, чем на «ответный выпад тем же оружием» – сентиментальностью и навязчивым влечением; тем не менее, мы не можем не предположить, что эта история, по крайней мере, обеспечила Юнга материалом для осмысления и анализа, который стал возможен позднее, в более спокойный период – после бури.

Что же касается проблемы переноса – контрпереноса, то мы знаем, что Фрейд сделал определенные выводы, как из истории взаимоотношений Юнга с Сабиной Шпильрейн, так и из некоторых ее интуитивных озарений. Фактически, это продвижение в теории произошло благодаря болезненному опыту его швейцарского ученика, в котором Фрейд распознал специфические фантазмы, возникающие в аналитическом сессинге. Уже отмечалось, что период, когда Фрейд получал информацию относительно дела Юнга, совпадает со временем открытия новых аспектов динамики переноса и контрпереноса. Более того, именно в одном из писем к Юнгу Фрейд впервые использовал понятие «контрперенос», которое стало затем научным термином. В следующем году (1910), выступая на Втором Международном Психоаналитическом Конгрессе в Нюримберге, он заявил, что психоаналитик должен распознавать в себе проявления фантазмов, активизированных пациентом, и что каждый психотерапевт продвигается в психотерапии ровно настолько, насколько он способен проработать собственные комплексы и защиты (Будущие Перспективы Психоаналитической Терапии, 1910).

Юнг обратился к Фрейду как к старшему и более опытному коллеге, едва «случай» Сабины начал вызывать у него трудности. Мы даже могли бы сказать, что переписка между ними началась из-за желания Юнга обсудить с Фрейдом этот исключительный опыт; фактически, Юнг проговаривается об этом случае во втором же письме, хотя и без упоминания имени, завуалировано, используя стиль невольных обмолвок и умышленных утаиваний, словно для того, чтобы Фрейду было труднее сфокусироваться на обсуждаемой теме.

Второй уровень анализа включает обширное поле проблем, возможно, исследованное менее всего, особенно в юнгианских сферах. Сабина Шпильрейн не была единственной женской фигурой в окружении Юнга, оказавшей значительное влияние на его жизнь и научное творчество; но даже сегодня, при чтении его записей и работ его ближайших сотрудниц-женщин, мы не можем распутать клубок непрерывных взаимных ссылок, сходных наблюдений и перекликающихся интерпретаций психологических феноменов.

Рим, 1994